

Лобанов Константин Николаевич*

К ВОПРОСУ О КОНФЛИКТОГЕННОМ
СОДЕРЖАНИИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ФАЗЕ
ЗАРОЖДЕНИЯ
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ
ПРОТИВОРЕЧИЙ (ИСТОРИЧЕСКИЙ И
СОВРЕМЕННЫЙ АНАЛИЗ СИТУАЦИИ)

Аннотация

В отличие от многочисленных анализов политического и военно-политического противоборства, базирующихся на выявлению их причин, изучению самого процесса противоборства и изучению возможностей управления этими столкновениями, автор этой статьи базирует свой анализ на поводе военного конфликта. Этот важный элемент конфликта часто выпадал из поля зрения исследователей. В этом ключе рассматриваются все события, начиная с сараевского покушения вплоть до войны в Косово. Таким образом автор приходит к проблеме сущности терроризма и террористической деятельности в зарождении конфликта. На многочисленных примерах показывается, что террористические организации пределевают национальные границы и консолидируются в региональные и глобальные синдикаты. Таким образом внутренний эволюционизм современного террора не только

* PhD of Political Sciences, NIU Belgorod University.

не изменил конфликтогенную сущность этого явления, но в значительной мере усугубил её.

Ключевые слова: повод, терроризм, межгосударственные противоречия.

Анализируя многочисленные случаи политического или военно-политического противоборства между государствами в XX и начале XXI столетий, исследователи этого феномена уделяли главное внимание выявлению причин подобных коллизий, изучали сам процесс противостояния, изыскивали возможности и пути управления этими столкновениями. Данное обстоятельство способствовало тому, что один из элементов структуры политического конфликта - его предлог (или повод), как правило, выпадал из поля зрения авторов. Вместе с тем реалии новейшей истории не раз подчеркивали важность обращения к этому аспекту социологии конфликта, поскольку повод к конфронтации конфликтного взаимодействия сторон - это не просто водораздел, проходящий между латентной и активной фазами схватки политических субъектов. Это еще и грань, отделяющая ненасилие от насилия в конфликте. А поскольку в ядерную эпоху проблема применения насилия при разрешении межгосударственных противоречий приобретает новое звучание, то и отношение к факторам, способным провоцировать кровопролитие, претерпевает определенную эволюцию. Например, если 100 лет назад ошибка человека, эксплуатирующего военную технику, не могла привести к военному конфликту между странами, то теперь (хотя бы гипотетически) это вполне возможно. В конфликтологии существует целое направление «военно-технологического детерминизма», утверждающее, что современные военные технологии, превращаясь в самодовлеющую силу, способны сами явиться причиной конфликтов и войн, а сбои в технике и оплошности персонала могут послужить поводами к развязыванию таких столкновений [1].

Признавая в целом возможность относительной «технологизации» природы возникновения межгосударственного конфликта, не стоит абсолютизировать данный фактор. Как и в далеком прошлом, конфликт между главными субъектами мировой политики имеет отчетливо выраженную со-

циальную сущность. Поэтому причины, вызывающие такие конфликты, равно как и поводы к ним, будут иметь социальные корни. Многие из этих явлений, как уже было отмечено выше, подлежат переоценке в наши дни. В частности, не вызывает возражения тезис о том, что террористическая деятельность одиночек или организаций может послужить поводом для начала применения вооруженного насилия в межгосударственном конфликте. Нормативной ситуацией здесь признается, например, небезызвестное «сараевское покушение» в июне 1914 г., послужившее стимулом для развязывания первой общемировой войны. Есть и другие примеры из истории XX столетия. Убийство греческого короля Георгия в Салониках в марте 1913 г. стало поводом для начала Второй балканской войны. Взрывы в Лондоне в августе 1920 г., устроенные боевиками ИРА, спровоцировали кровавую британо-ирландскую войну. Террористические вылазки боевиков Мусульманской лиги в Пенджабе в марте 1947 г. знаменовали начало индо-пакистанской войны. Подрывы отелей в Хайфе в январе 1948 г. ускорили развязывание первой арабо-израильской войны [2]. В постбиполярную эпоху террористическая деятельность видоизменяется. Во-первых, если в начале и в продолжении XX столетия основной формой террора были акты одиночек или глубоко законспирированных заговорщических групп, то в наши дни терроризм институционализируется, формируя структуры, которые нередко охватывают большие территории и массы населения. Типичным примером может служить так называемая Армия освобождения Косово (АОК), ставшая по сути сетевой организацией в Крае и широко использовавшая террористические методы борьбы против сербского населения и армии Союзной Республики Югославии. Во-вторых, терроризм интернационализируется. Террористические и экстремистские группировки преодолевают национальные границы и консолидируются в региональные и глобальные синдикаты. Совершенным открытием для мирового сообщества стал феномен «Аль-Каиды» - внационального террористического сообщества международного масштаба, способного проводить свою идеологию и осуществлять «акты возмездия» в любой точке планеты через многочисленные филиалы. В-третьих, терроризм стремительно теряет идеологическое обоснова-

ние и все в большей мере срачивается с криминалитетом. Деятельность многих экстремистских и террористических движений и организаций перестает восприниматься массовым сознанием сквозь призму национально-освободительной или иной социальной пассионарности, а расценивается как тривиальный уголовный бандитизм. Подобную метаморфозу пережили, например, албанские и северокавказские сепаратистские группировки. Причем АОК, ставшей после 1999 г. полноценной государственной структурой, удалось наладить крупнейший в Европе канал транзита наркотиков, нелегального оружия, фальшивых денег, человеческих органов, и превратить этот криминальный бизнес в главную статью доходов для «независимого Косово». Быстро улетучился «ура-патриотический» флер и у боевиков украинских праворадикальных группировок, перешедших к чисто уголовным способам борьбы с инакомыслящей частью населения (масовые убийства и погромы в Одессе и Мариуполе).

Внутренний эволюционизм современного террора не только не изменил конфликтогенную сущность этого явления, но и в значительной мере усугубил ее. С одной стороны, идеология и практика действующих террористических организаций по-прежнему активно используются некоторыми международными акторами в интересах провоцирования силового разрешения межгосударственных противоречий. Причем нередко террористические группировки искусственно создаются для этой цели и вводятся в конфликт в качестве самостоятельной «третьей силы». Так, общеизвестно, что боевые ячейки АОК были профинансированы и организованы Вашингтоном специально для того, чтобы реактивировать тлеющий внутренний албанско-сербский конфликт в Косово и вызвать его интернационализацию. Противоречиво могут быть оценены и действия «Аль-Каиды», также созданной на американские деньги для борьбы с советскими войсками в Афганистане в 80-е годы. Именно террористический акт этой организации 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке послужил катализатором для начала широкомасштабной акции США и НАТО по вооруженному вторжению в Переднюю Азию.

С другой стороны, отдельные государства стали сами прибегать к использованию инструментов террористической борьбы для более динамичного и успешного продвижения

своих геоэкономических и геополитических интересов в различных регионах мира. Внешнеполитическим ведомством и специальными службами США разработана соответствующая стратегия так называемых «цветных революций» в тех странах, которые, по мнению официального Вашингтона, либо представляют угрозу национальной безопасности Соединенным Штатам, либо имеют существенное значение для продвижения американского влияния в той или иной части света. Цель стратегии, если абстрагироваться от деталей, состоит в насильственном свержении неугодного политического режима в стране и приведении к власти руководства, лояльного Западу и управляемому им [3]. Методы и средства, применяемые для реализации этой макроцели, т. е. тактика осуществления «цветных революций» схожа с той, которую применяют террористы для устрашения своих оппонентов и дестабилизации обстановки в государстве.

Игру обычно начинают оппозиционно настроенные радикалы, стремящиеся монополизировать роль интегратора общественного недовольства. В результате активной поддержки извне, как правило, им это легко удается, и данные силы становятся авангардом антиправительственного конфронтационного движения. Быстро минуя мирные формы выражения протеста, путем террористических провокаций оппозиция переходит к открытому силовому противостоянию политическому режиму. При этом жестокость и варварство, которыми сопровождается эта борьба, объясняются такими мифологемами, как «освобождение страны от коррумпированного режима» (Тунис, Украина), «демократизация экономического и политического строя» (Турция, Кыргызстан, Грузия, Сербия), «свержение тоталитарной диктатуры» (Ирак, Ливия). В ход идут и иные мотивы, всегда безотказно резонансные и болезненные для массового и индивидуального сознания и психологии людей. Например, в Египте и Сирии в ходе перманентных «цветных революций» активно эксплуатируется тема межконфессиональных противоречий в стране. На Украине идейным оружием террористов стал ультранационализм.

Так как экстремистские и террористические вылазки оппозиции, естественно, встречают отпор со стороны правительства, то насилие становится взаимным. Когда число

жертв и разрушений с обеих сторон начинает расти, политическое руководство страны обычно предпринимает попытки усадить оппонентов за стол переговоров и предлагает уладить конфликт мирным способом. Но эти усилия неизбежно разбиваются о чрезмерные амбиции и крайний эгоизм противоположной стороны, требующей от власти «все или ничего». Несговорчивость и непримиримость радикалов объясняется просто - выйти из конфликта им не позволяет «третья сторона» - она же заказчик и организатор гражданского противостояния. В случае если официальная власть оказывается сильнее и начинает теснить боевые структуры оппозиции, то «третья сторона» открыто вмешивается в конфликт на стороне «пострадавших». Методы, применяемые при таком вмешательстве - жесткие и циничные. Подобно террористам, которые приводят в действие мощные взрывные устройства и находятся при этом на безопасной дистанции, ведущие мировые державы, возомнившие себя миротворцами, широко практикуют массовые авиационные бомбардировки и ракетные удары с большого расстояния, оставаясь вне зоны поражения со стороны возможного противника. Так же, как и в случае с террористическими актами, от этих атак гибнут не только военнослужащие и представители властей, но и мирное население. В результате военной операции НАТО против Союзной республики Югославии в 1999 г. погибло более 1 тыс. солдат и полицейских и 2.5 тыс. гражданских лиц, из них 89 - дети [4]. В ходе «воздушной войны» США против Ирака в 2003 г. потери мирного населения составили 7.3 тыс. человек [5]. Ракетно-бомбовый налет авиации западных стран на Ливию в 2011 г. унес жизни 718 человек и более 4 тыс. было ранено [6]. Способы информационного сопровождения этих силовых акций имеют много общего с технологиями психологического террора. Мировое общественное мнение и сознание граждан конкретных государств подвергается массированному и агрессивному натиску со стороны всех видов средств коммуникации, в первую очередь электронных. Задача здесь - триединая: демонизировать существующий неугодный политический режим, представить оппозиционные силы жертвами политической, этнической, религиозной и т. д. дискриминации, оправдать вооруженное вмешательство во внутривнутриполитический конфликт и его перерастание в

межгосударственный. Известные аналогии напрашиваются при анализе поведения западных держав в период подготовки и осуществления интервенционистских операций. Например, идеологи и боевики террористических организаций мало соотносят свою деятельность с существующей в стране правовой и институциональной системой. Террористы просто игнорируют нормы закона и институты государства. Последние случаи организации «гуманитарных интервенций» со стороны США и НАТО также проводились в обход существующих норм международного права и при почти полном пренебрежении статусом международных межправительственных организаций. Вооруженные акции и вторжения американской армии против Республики Сомали в 1992-1993 г.г., войск НАТО против Союзной Республики Югославии в 1999 г. и Республики Ирак в 2003 г. осуществлялись без мандата ООН и в нарушение ее Устава. Причем делалось все это намеренно для того, чтобы избежать вето со стороны России и Китая, которые могли заблокировать сценарии постороннего вмешательства во внутренние конфликты в этих государствах. Разрешение Совета Безопасности ООН на проведение «миротворческой миссии» в Ливийской Джамахирии в 2011 г. было формальным, так как война в этой стране уже велась американцами и их союзниками. Но даже таких запоздалых и, по существу, бесполезных шагов вряд ли стоит ожидать от западных стран, уже наметивших новые объекты для «цветных революций». Сегодня латентное вооруженное присутствие зарубежных сил отмечено в Сирии и на Украине, а переход к открытому вмешательству «третьей силы» во внутренние дела этих стран является вопросом времени. Не исключено, что ряд других государств испытают мощный всплеск внутривнутриполитической турбулентности и ощутят на себе развитие событий по этой же схеме. Среди них могут оказаться, например, Турция или Армения. В последнее время они проявляют уверенную самостоятельность в выборе приоритетов во внешней политике и экономике. Как результат в Турции фиксируется резкий рост протестного движения, подогреваемого провокационными актами террористов из исламистских организаций [7]. В армянских диаспорах по всему миру вербуются и обучаются кадры для подготов-

ки массовых беспорядков и последующего антиправительственного переворота в республике [8].

В любом случае экстремистские и террористические силы, независимо от места и времени их действия, происхождения и характера идеологического прикрытия, всегда и везде будут стремиться путем вооруженного насилия обострить внутрисистемные противоречия и разорвать изнутри ту социальную систему, в которую они внедрились. Вместе с тем, эта угроза актуальна не только для национальных государств. В ней кроется опасность для всего мирового социума, поскольку в условиях глобализации и взаимозависимости международных акторов инфицирование различными видами социальной деструкции происходит очень быстро. Поэтому в современных условиях крайне важно выстраивать эффективные национальные системы противодействия терроризму, формировать действенные межгосударственные антитеррористические структуры, налаживать сотрудничество в этой сфере. Под тотальный запрет и всеобщее осуждение должны попасть все попытки поощрения террористической деятельности, использование террористов в узкокорыстных целях и тем более применение террористической практики в отношениях между государствами. Будучи реалистами, мы хорошо осознаем, что внутривнутриполитические и межгосударственные конфликты не исчезнут никогда. Однако выведение организованного терроризма из числа прямых субъектов конфликтных отношений, его изоляция и лишение возможности влиять на ход конфликтного взаимодействия, позволит существенно снизить остроту политических противоречий, а в фазе зарождения самого конфликта между государствами - исключить вероятность провоцирования применения вооруженного насилия.

Литература

См. подробно: Коваленко Б. В., Пирогов А. И., Рыжков О. А. Политическая конфликтология. - Москва: Ижица, 2002. - СС. 22-23.

Подробный список террористических актов и войн в XX столетии см. в Приложении кн.: Лебедева М. М.

- Политическое урегулирование конфликтов: подходы, решения, технологии. - М.: Аспект Пресс, 1999.
- См. подробно: Галич А. Э, Лушников Д. А. Технологии «цветных революций». - М.: РИОР, 2010.
- См.: Барабанов М.С., Коновалов И.П., Куделев В.В., Целуйко В.А. Чужие войны. - М.: Центр анализа стратегий и технологий, 2012.
- Conetta C. The Wages of War: Iraqi Combatant and Non-combatant Fatalities in the 2003 Conflict. - Cambridge/Massachusetts: Commonwealth Institute, 2003. - P. 42.
- Жертвы натовских бомбардировок в Ливии // Зарубежное военное обозрение. - 2012. - № 1. - С.106.
- Горковская М. Протестное движение в Турции возглавила партия «Гези»// Известия - 2013. - 30 октября.
- Навоян Ю. Для Москвы нестабильность в Армении - это опасность «цветных революций»// Новости Армении. - 2013. - 23 апреля.

Константин Николаевич Лобанов

*КА ПИТАЊУ О КОНФЛИКТОГЕНОМ
САДРЖАЈУ ТЕРОРИСТИЧКЕ
ДЕЛАТНОСТИ У ФАЗИ НАСТАНКА
МЕЃУДРЖАВНИХ НЕСУГЛАСИЦА
(ИСТОРИЈСКА И САВРЕМЕНА АНАЛИЗА
СИТУАЦИЈЕ)*

Резиме

За разлику од многобројних анализа политичких и војно-политичких сукоба које се заснивају на изналагању узрока, проучавању самог процеса сукоба и проучавању могућности управљања сукобима, аутор овог чланка заснива своју анализу на поводу за војни конфликт. Тај важни елемент конфликта није био у центру пажње истраживача. У том кључу разматрају се сви догађаји почев од сарајевског атентата до рата на Косову. Тако се долази до проблема природе тероризма и терористичке делатности у настајању конфликта. На многобројним примерима показује се да

терористичке организације превазилазе државне границе и консолидују се као регионалне и глобалне организације. На тај начин унутрашњи еволуционизам савременог терора не само да није променио конфликтогену природу те појаве, већ ју је у значајној мери и погоршао.

Кључне речи: повод, тероризам, међудржавне несугласице.

Овај рад је примљен 17. јуна 2014. године а прихваћен за штампу на састанку Редакције 18. јула 2014. године.